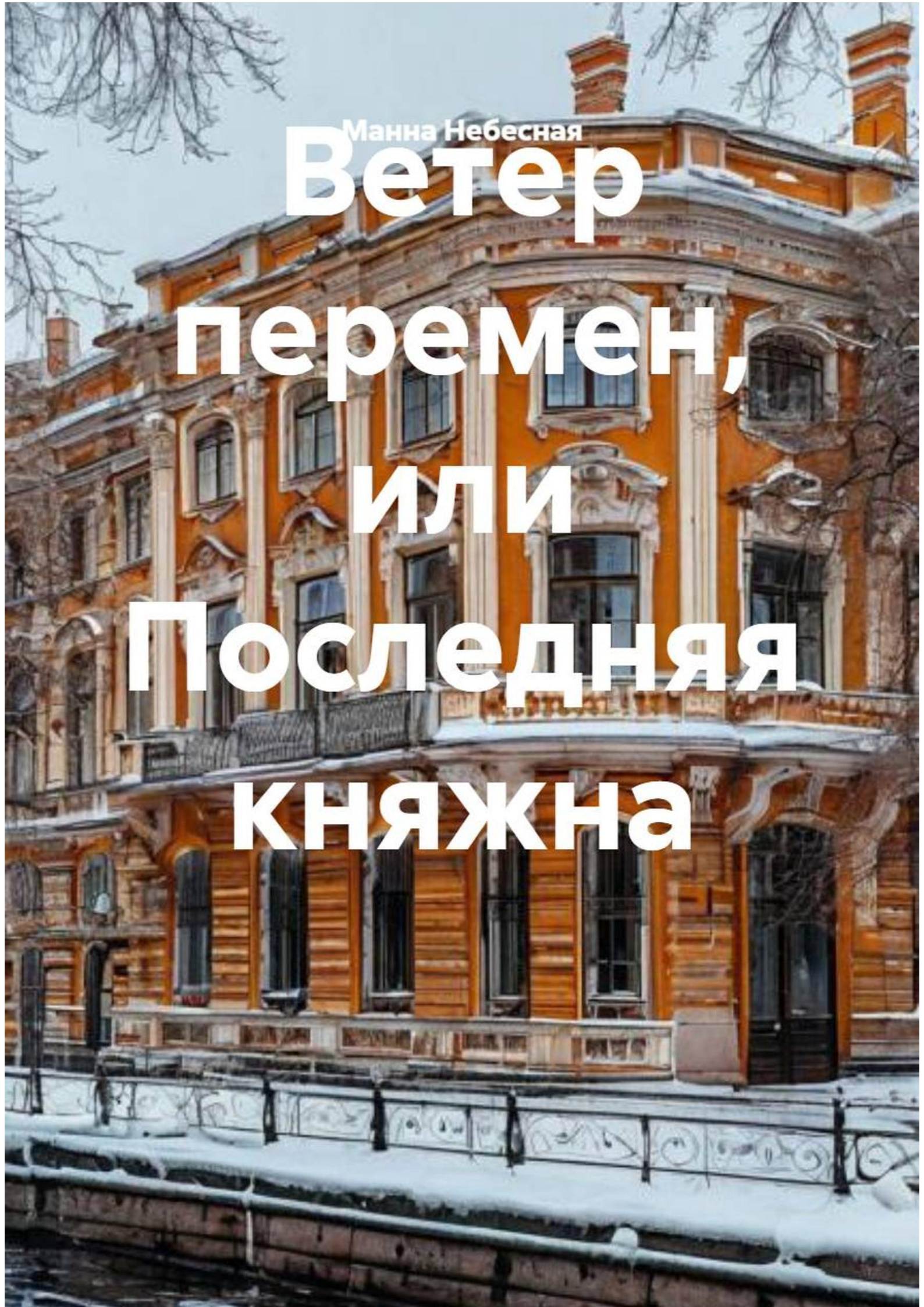

Манна Небесная

Ветер перемен, или Последняя княжна

Манна Небесная

**Ветер перемен, или
Последняя княжна**

«Автор»

2026

Небесная М.

Ветер перемен, или Последняя княжна / М. Небесная —
«Автор», 2026

Санкт-Петербург замер в ледяном оцепенении. За блеском Зимнего дворца и роскошью аристократических особняков, таких как Юсуповский дворец на Мойке, уже отчётливо слышен гул надвигающейся бури. Революция, голод и отчаяние стучатся в двери, но высшее общество продолжает жить по старым законам, цепляясь за балы, традиции и иллюзию вечной власти. В центре этого рушащегося мира — Елизавета Юсупова, которой едва исполнилось шестнадцать. На фоне грандиозных исторических событий — от пасхальных торжеств до роковых дней февраля 1917 года — разворачивается история взросления, первой любви и утраты иллюзий. Елизавета вынуждена узнать цену истинной верности и научиться быть сильной, когда привычный мир рушится в прах. Это роман о гибели великой империи и рождении новой женщины, которой предстоит пройти через хаос и потери, чтобы сохранить главное — любовь к жизни. Продолжение каждый будний день. Всего запланировано 25 глав

© Небесная М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Манна Небесная

Ветер перемен, или Последняя княжна

Глава 1

1900 год для России и Санкт-Петербурга был насыщен событиями, отражающими как культурную, так и техническую жизнь страны:

- Россия приняла участие во Всемирной выставке 1900 года в Париже, где были представлены достижения страны, включая модель Транссибирской магистрали и проект Красноярского железнодорожного моста. Российская экспозиция получила 1589 наград, среди которых 212 высших и 370 золотых медалей.- В Санкт-Петербурге прошёл Первый всероссийский электротехнический съезд, что свидетельствовало о развитии науки и техники в стране.- Заложено здание Электротехнического института.- Открыт Народный дом императора Николая II.- Проведена перепись населения

- 24 мая на верфи Нового Адмиралтейства был спущен на воду бронепалубный крейсер «Аврора», в этот же день в семье князя Николая Юсупова, родилась младшая дочь Елизавета...

Величественный Юсуповский дворец на Мойке всегда казался Елизавете не просто домом, а целым миром, заключённым в камне, мраморе и золоте. Юсуповы были страстными коллекционерами произведений искусства, включая живопись, скульптуру, музыкальные инструменты и гобелены. Князь Николай Борисович Юсупов, один из самых известных представителей рода, активно пополнял коллекции. Здесь, среди высоких потолков, расписных плафонов и зеркал, отражающих свет тысяч свечей, прошло её детство — время, когда каждый день был похож на праздник, а будущее казалось таким же незыблемым, как стены этого дворца.

Елизавета была младшей из детей князя Николая и княгини Анны Юсуповых. Её старший брат, Николай-младший, уже учился в Пажеском корпусе, а сёстры, Зинаида и Татьяна, готовились к первым балам и выходу в свет. Но Лиза, как ласково звали её домашние, была любимицей всей семьи. Её отличала особая живость характера, пылкий ум и редкая для её круга мечтательность. Она могла часами просиживать в библиотеке, листая старинные фолианты, или бродить по анфиладам дворца, представляя себя героиней старинных романов. Вечерами вся семья собиралась в большой гостиной, где под аккомпанемент рояля звучали романсы, а за окнами медленно темнела Нева. Здесь обсуждались последние новости из столицы, сплетни о дворе, планы на лето в Крыму или Архангельском.

Когда последние ноты романса затихли и слуги зажгли свечи в серебряных канделябрах, князь Николай поднялся со своего кресла. В гостиной воцарилась тишина.

— Дети мои, — его голос звучал мягко, но властно. — Настало время для вечерней молитвы.

Вся семья встала и направилась в домовый храм Покрова Пресвятой Богородицы, который находился на третьем этаже дворца. Это была небольшая, но очень красивая комната с иконами в золотых окладах и запахом ладана. Елизавета шла рядом с матерью, чувствуя тепло её руки на своём плече.

Князь Николай начал читать молитву глубоким, проникновенным голосом. Елизавета смотрела на строгие лики святых на иконах, и ей казалось, что они тоже смотрят на неё с пониманием и участием. Внутреннее убранство отличалось изысканностью, использовалось много резного дерева, позолоты, икон и церковной утвари. Интерьер был выполнен в традициях православных домовых храмов XIX века. Здесь проходили все важнейшие семейные обряды: кре-

щения, венчания, отпевания. Храм был не только местом молитвы, но и центром духовной жизни семьи. Здесь молились перед важными событиями, отмечали престольные праздники, совершали богослужения для домочадцев и служащих дворца. Она молилась о здоровье родителей, о счастье сестёр и брата, о том, чтобы её будущий брак с Эдвардом был таким же крепким и светлым, как вера её семьи.

Когда молитва закончилась и все перекрестились, княгиня Анна поцеловала дочь в лоб:
— Спи спокойно, моя девочка. Господь хранит нас всех.

Утро в Юсуповском дворце начиналось с чинного завтрака в столовой, где пахло свежими булочками и кофе. Но для Лизы самым важным был разговор о будущем — о её помолвке с юным герцогом Эдвардом Эшвортом.

— Папа, а правда, что в Лондоне уже есть электрические фонари? — спросила Лиза.

— Правда, *ma petite*. Но наш Петербург всё равно красивее, — ответил князь, подмигнув жене.

— А я слышала, что Эдвард Эшворт любит верховую езду! — воскликнула Татьяна.

— Лиза, ты должна будешь научить его нашим русским забавам! — добавила Зинаида.

Все засмеялись. Даже строгая мадемуазель Дюбуа позволила себе улыбку.

Княгиня Анна подняла бокал с лимонадом:

— За нашу Лизу! Пусть её путь будет светлым, а сердце — смелым.

Звон бокалов наполнил комнату. Елизавета смотрела на родные лица и чувствовала: что бы ни ждало её впереди, здесь её всегда любят и ждут.

Эта история началась ещё до её рождения. Родители договорились о браке между наследником английского титула и младшей княжной Юсуповой, когда обе семьи гостили в Бадене-Бадене. Для Елизаветы эта помолвка с детства была чем-то вроде сказки: она знала, что когда-нибудь уедет в далёкую Англию, станет герцогиней, будет жить в старинном замке среди зелёных холмов. В её воображении Эдвард был не просто женихом, а рыцарем из старинных баллад — благородным, сильным, готовым защитить её от всех невзгод.

Она часто рассматривала его портрет, присланный из Лондона: серьёзный мальчик с чуть насмешливым взглядом и упрямым подбородком. Лиза представляла их встречу — обязательно на балу, под звуки вальса, когда весь свет будет смотреть только на них. Она мечтала о доме с камином, о прогулках по английским садам, о том, как будет рассказывать детям русские сказки.

Но за блеском парадных залов и роскошью быта скрывалась и другая жизнь — жизнь слуг, гувернанток, поваров и конюхов. Елизавета с детства видела разницу между своим миром и миром тех, кто служил её семье. Она не могла не замечать усталости в глазах старой няни Агафьи, не слышать тихих разговоров горничных о тяжёлой доле. Иногда ей становилось стыдно за своё счастье, но мать всегда говорила: «Твой долг — быть достойной своего имени и нести свет тем, кто рядом».

Однажды, когда осенний ветер уже начинал срывать с деревьев последние листья, Елизавета сидела в малой гостиной у окна, задумчиво глядя на Мойку. В комнату тихо вошла княгиня Анна — статная, с благородной осанкой и мягкой улыбкой. Она опустилась в кресло рядом с дочерью и взяла её за руку.

— О чём задумалась, моя девочка? — спросила она, поправляя кружевную манжету на рукаве дочери.

— Маменька, я всё думаю... — начала Лиза, слегка смутившись. — Вот вы с батюшкой всегда говорите о моём долге, о чести имени. А что, если я не смогу быть такой, как вы хотите?

Княгиня улыбнулась и чуть крепче сжала руку дочери.

— Лиза, ты — Юсупова. В твоих жилах течёт кровь великих предков. Но долг — это не только бремя. Это и радость. Ты будешь нести свет тем, кто рядом, будешь опорой для своей семьи и для своего будущего мужа. Не бойся будущего. Мы всегда будем рядом.

— А если я полюблю кого-то другого? — тихо спросила Лиза, опустив глаза.

— Любовь... — княгиня вздохнула. — В нашем мире она часто приходит после долга. Но я верю, что ты сможешь найти счастье даже в том, что кажется тебе сейчас лишь обязанностью.

Вечерами Лиза часто поднималась на крышу дворца — туда, где летом устраивали чаепития на свежем воздухе. Отсюда открывался вид на весь Петербург: купола соборов, шпиль Адмиралтейства, огни фонарей вдоль набережных. Город казался ей живым существом — величественным и загадочным. Она мечтала о том, что однажды сможет увидеть не только дворцы и бальные залы, но и настоящую жизнь — улицы, рынки, простых людей.

Её гувернантка, мадемуазель Дюбуа, строгая француженка с безупречными манерами, строго следила за образованием княжны. Лиза изучала французский и английский языки, историю искусств, музыку и танцы. Но больше всего ей нравились уроки литературы — именно там она впервые почувствовала вкус к слову, желание не только читать чужие истории, но и создавать свои.

Вот и сегодня мадемуазель Дюбуа вошла в комнату, неся перед собой стопку книг и строго взглянула на Лизу поверх очков.

— Княжна, урок английского через десять минут. А вы опять витаете в облаках!

— Мадемуазель, простите... Я просто думала о будущем.

— Будущее начинается с настоящего, *ma chérie*. Вот, читайте Байрона. И не просто читайте — чувствуйте! Английский язык — это не только слова, это музыка души.

— Но почему я должна читать о чужих страданиях? Разве нельзя просто мечтать?

Мадемуазель Дюбуа села рядом и чуть смягчилась:

— Мечтать можно. Но уметь выразить свою мечту — вот настоящее искусство. Когда-нибудь вы обязательно напишете свою историю. А пока — читайте.

В доме Юсуповых часто бывали гости: художники, музыканты, писатели. Лиза любила слушать их разговоры о новых течениях в искусстве, о переменах в обществе. Иногда ей казалось, что за стенами дворца действительно что-то меняется — появляются новые идеи, новые мечты. Но взрослые говорили об этом с опаской или насмешкой.

Однажды летом семья отправилась в Архангельское — подмосковное имение Юсуповых. Там Елизавета впервые почувствовала себя по-настоящему свободной: она носилась по парку на лошади, купалась в реке (тайком от гувернантки), собирала букеты полевых цветов. Именно там она написала своё первое стихотворение — о ветре, о свободе, о мечтах:

Ветер шепчет мне о воле,

О просторах без оков,

Я хочу увидеть море,

И слышать песни снов.

Но даже в эти счастливые дни тень будущего уже витала над ней. Она знала: её жизнь расписана наперёд — учёба, дебют на балу, свадьба с Эдвардом. И хотя эта перспектива не пугала её, иногда сердце сжималось от мысли: а вдруг настоящая жизнь пройдёт мимо? Вдруг за всеми этими правилами и традициями она так и не узнает настоящей любви?

Лиза часто думала об Эдварде. Что он сейчас делает? Читает ли те же книги? Вспоминает ли о ней? Она представляла его взрослым мужчиной — таким же благородным и красивым, как на портрете. Ей хотелось верить, что их союз будет не просто династическим расчётом, а настоящим союзом душ.

Вечерами перед сном она молилась о том, чтобы судьба была к ней милостива, чтобы родители были здоровы, а мечта о счастье с Эдвардом сбылась.

Но пока за окнами дворца светили фонари Петербурга, а в камине потрескивали дрова, Елизавета засыпала с улыбкой на губах — ведь завтра будет новый день, полный света, музыки и надежд.

Глава 2

Лето тысяча девятьсот двенадцатого года навсегда отпечаталось в памяти Елизаветы как время, когда её детская мечта впервые обрела живые черты. Это было лето, когда Петербург плавился от небывалой жары, и даже величественный Юсуповский дворец на Мойке не мог укрыть от зноя, хотя в его залах всегда пахло прохладой мрамора. Воздух дрожал над рекой, и казалось, что даже купола соборов потускнели под палящим солнцем. Но внутри дворца жизнь текла своим чередом — чинная, размеренная, полная ритуалов, которые Елизавета знала так же хорошо, как узоры на паркете.

В ту пору город гудел, словно растревоженный улей. Ночь с двадцать третьего на двадцать четвёртое июля принесла не облегчение, а беду — пожар, какого не помнили старожилы. Елизавета проснулась от запаха гари и треска, доносившегося с Невы. Она подбежала к окну своей спальни, выходящему на реку, и прижалась лбом к прохладному стеклу. Вдали, над Петровским островом, небо было багровым, как свежая рана. Огонь уничтожил изысканный Петровский дворец, творение Ринальди, и множество построек на острове. Ей казалось, что это не просто горят баржи с сеном и склады — это сгорает её прежняя, беззаботная жизнь. Она видела, как по воде плывут горящие клочья сена, как вспыхивает нефть, разлитая по волнам, превращая реку в огненную дорогу в ад.

— Лиза! Немедленно отойди от окна! — голос матери был резким и непривычно строгим. Княгиня Анна вошла в комнату неслышно, но твёрдо. — Это зрелище не для юных глаз.

— Но маменька... там же всё горит! — прошептала Елизавета, не в силах оторвать взгляд от зарева. В её детском воображении пожар был живым существом — огромным драконом, пожирающим историю.

— Горят постройки. Камень не горит так просто. Но страх — вот что сжигает души быстрее любого пламени. Запомни это, *ma chérie*. В этом мире мы должны быть крепче камня.

Княгиня обняла дочь за плечи и увела от окна. Елизавета чувствовала, как дрожит рука матери. В тот миг она поняла: даже самые крепкие стены не вечны. И страх перед будущим — это то, что объединяет и царей, и слуг.

Именно в эти дни, когда город ещё не оправился от потрясения, а запах гари всё ещё витал над Невой, в Петербург прибыл герцог Эдвард Эшворт.

Для Елизаветы, которой едва исполнилось двенадцать, это было событие из разряда сказок. Она знала о нём всё: что он старше на четыре года (целая вечность!), что он учится в Итоне (самое знаменитое учебное заведение Англии!), что его отец — человек строгих правил, а мать — известная покровительница искусств. Но портреты и рассказы не могли подготовить её к встрече с живым человеком.

Дворец преобразился. Слуги в парадных ливреях сновали по анфиладам с такой скоростью, что их ноги почти не касались паркета; в большой столовой сервировали стол на двадцать персон (каждая вилка должна была лежать строго под своим углом!), а в музыкальном зале настраивали рояль так долго и мучительно, что у Елизаветы занули зубы.

Её гувернантка, мадемуазель Дюбуа, была неумолима. — Княжна! Вы вертитесь! Ваша осанка! Ваша причёска! Вы похожи на взъерошенного воробья!

— Я не могу сидеть смирно! У меня сердце сейчас выпрыгнет!

— Сердце должно быть здесь! — француженка резко хлопнула ладонью по корсету воспитанницы. — И оно должно биться ровно. Англичане ценят сдержанность превыше всего.

Елизавета лишь тяжело вздохнула. Сдержанность была последним качеством, которым она могла похвастаться в тот вечер.

Когда Эдвард вошёл в гостиную, Елизавета замерла. Он был совсем не похож на тот портрет, что висел в её комнате. Живой юноша оказался гораздо выше и стройнее, с чуть растрёпанными светлыми волосами и внимательным взглядом серых глаз. В его манерах не было ни английской чопорности, которой она так боялась, ни высокомерия — лишь спокойная уверенность и лёгкая улыбка, которая сразу располагала к себе.

Их представили друг другу. Эдвард поклонился, и в его взгляде читался живой интерес.

— Я слышал о вас столько удивительного, принцесса, — сказал он по-английски. — Ваши родители говорят, что вы обожаете стихи и превосходно ездите верхом.

Щёки Елизаветы вспыхнули румянцем, но она тут же нашлась с ответом. Её английский был столь же безупречен, как и у гостя:

— А мне рассказывали, что вы — мастер крикета и цитируете Байрона с любого места.

Её английский был столь же безупречен — спасибо бесконечным урокам с мистером Джонсоном, но в нём слышался лёгкий акцент — мягкость русской речи придавала словам особое очарование.

Эдвард удивлённо приподнял бровь. Он явно не ожидал такого ответа от «маленькой русской принцессы».

— Ого! Вы меня поймали! Байрона я знаю... выборочно. Некоторые строфы даются легче других.

Он рассмеялся — искренне, без тени снисходительности или покровительственного тона старших. Этот смех сразу разрушил стену неловкости между ними. В нём не было фальши.

В тот вечер они оказались за одним столом по воле случая или хитрости княгини Анны. Разговор потёк легко и непринуждённо.

— Значит ли это, что вы тоже пишете стихи? — спросил Эдвард, накладывая себе спаржу с серебряного блюда.

— Пишу? О нет! Я их читаю до тех пор, пока они не начинают сниться мне по ночам. Месье Джонсон говорит, что у меня живое воображение, но это вежливый способ сказать «слишком много фантазий».

Эдвард снова улыбнулся:— Фантазии — это не порок. Без них мир был бы серым.

Стол в большой столовой был накрыт белоснежной скатертью из ирландского льна, на которой сверкало фамильное серебро Юсуповых и хрусталь баккара, чьи грани ловили и отражали свет свечей. В центре возвышалась композиция из белых пионов и роз, аромат которых смешивался с запахом воска, а по периметру стола мерцали высокие канделябры.

Меню ужина было продумано до мелочей поваром-французом месье Леруа и представляло собой изысканное сочетание русских и английских традиций. В знак уважения к высокому гостю из Лондона повар приготовил несколько блюд английской кухни.

Закуски были поданы на отдельном столике у окна. Здесь соседствовали русская осетровая икра с блинами и английский паштет из дичи с тостами из белого хлеба. Гости могли попробовать нежнейший студень из рябчиков («Как желе!» — шепнула Зинаида сестре) и рост-биф, нарезанный тончайшими до прозрачности ломтиками. Рядом стояли соусницы с хреном и горчицей для русских гостей и вазочки с пикнулями для англичанина.

Суп был подан в глубоких фарфоровых тарелках с золотым ободком. Это был не традиционный русский борщ или щи, а прозрачный консоме с клелями из фазана — блюдо, которое высоко ценилось в лучших домах Лондона.

Основное блюдо стало настоящим украшением стола. На огромном серебряном блюде внесли седло барашка, запечённое с розмарином и чесноком до золотистой корочки, обложенное молодым картофелем и спаржей. Это было коронное блюдо английской кухни и повар Юсуповых превзошёл сам себя.

На десерт гостям предложили выбор между русским тортом «Наполеон» и английским пудингом с изюмом, который полили горячим ромовым соусом прямо перед гостями и подожгли, вызвав восхищённые возгласы дам. К десерту подавали свежайшие сливки, малиновое варенье из собственных оранжерей Юсуповых и ароматный чай «Эрл Грей», заваренный в большом серебряном самоваре.

Елизавете было интересно наблюдать за Эдвардом из-под опущенных ресниц. Ей было важно знать: понравится ли ему эта еда? Не покажется ли она ему слишком простой или варварской? Или слишком вычурной?

Герцог ел с явным аппетитом. Он похвалил баранину, попробовал русскую икру и съел два куса торта «Наполеон». В этот момент Лиза поняла: их миры могут не только сталкиваться лбами на карте мира или за карточным столом дипломатов; они могут прекрасно дополнять друг друга на одной тарелке.

После ужина взрослые перешли в курительную комнату, где мужчины обсуждали политику, а дамы сплетничали о модах в малой гостиной, детей же отпустили в сад.

Лунный свет заливал аллеи Юсуповского сада серебром. Летний вечер был наполнен ароматом цветущих растений. Воздух наконец стал прохладным после дневного зноя.

Эдвард и Елизавета медленно шли по аллее, усыпанной гравием. Они молчали. Молчание не было неловким; оно было наполнено смыслом того нового чувства доверия, которое бывает только в детстве — чистое и незамутнённое расчётами взрослых.

Наконец Эдвард остановился у мраморной статуи Афродиты, чья белизна казалась прозрачной в лунном свете.

— Знаете... — вдруг сказал он по-английски (голос звучал тихо), останавливаясь у статуи богини любви. — Я всегда думал, что русские принцессы похожи на холодных красавиц из сказок. Но Вы... Вы другая- живая!

Елизавета подняла на него глаза. В сумерках его лицо казалось почти нереальным — словно он сам был героем сказки или поэмы Байрона. Она задумалась на секунду над его словами о «холодных красавицах». Ей хотелось ответить остроумно.

— А я думала... что все англичане говорят только о погоде... и овсянке!

Они оба рассмеялись одновременно. Смех разнёсся по саду звонким эхом. В этот момент между ними возникло то особое чувство симпатии, которое бывает только раз в жизни — когда ты встречаешь человека своего племени среди чужаков.

На следующий день семья отправилась на прогулку по Неве на яхте «Юлия». Это было роскошное судно с палубой из тикового дерева и белоснежными парусами. Елизавета надела широкополую шляпу с лентами для защиты от солнца.

Ветер трепал ленты на шляпке княжны, а Эдвард рассказывал ей о своём доме в Кенте — о старинном замке, окружённом парком, о туманных утрах и звоне колоколов из ближайшей церкви.

Они устроились на корме яхты, подальше от старших Зинаиды с Татьяной, которые флиртовали с офицерами гвардейского экипажа.

— Когда-нибудь Вы приедете ко мне в гости, — сказал он серьёзно, глядя на проплывающий мимо Зимний дворец. — Я покажу Вам свои любимые места. И научу играть в крикет.

Елизавета оживилась: — А я научу вас пить чай из самовара зимой! И кататься на тройке!

В этот момент их окликнула мать Елизаветы: — Дети! Не простудитесь!

Но они только переглянулись и улыбнулись друг другу заговорщически. В их детском сознании родилась клятва — пусть и не высказанная вслух — быть друзьями навсегда, несмотря на расстояния между Лондоном и Петербургом.

Вечером того же дня был устроен небольшой бал для узкого круга гостей семьи Юсуповых. В бальном зале зажгли сотни свечей, отчего хрустальные люстры казались звёздами на ночном небе Петербурга.

Елизавета впервые танцевала вальс с Эдвардом под музыку живого оркестра. Его рука была уверенной и тёплой даже через перчатку княжны; его взгляд был таким же внимательным.

— Вы прекрасно танцуете, — прошептал он ей на ухо так тихо, чтобы слышала только она; его дыхание щекотало её шею через локоны причёски.

— Всё благодаря мистеру Даньону и бесконечным урокам, — ответила она чуть запыхавшись; щёки её снова порозовели от быстрого танца.

Вальс закончился слишком быстро для Елизаветы; но для неё этот вечер стал точкой невозврата: образ Эдварда перестал быть просто портретом или именем в договоре родителей; он стал её другом; её первой тайной привязанностью; её надеждой на будущее; тем самым рыцарем из баллад; который однажды придет за ней на белом коне через все моря Европы чтобы увезти её домой...

Перед отъездом он протянул ей маленький серебряный медальон на тонкой цепочке; металл был ещё тёплым от его руки:

— Это на память обо мне. Внутри медальона была крошечная гравировка: «E.E. à E.Y., pour toujours».

Она порылась в кармашке своего платья, где обычно носила платок, но вместо него достала маленький свёрток из рисовой бумаги, перевязанный голубой лентой:

— А это на память обо мне и России...

Это был её подарок: маленький рисунок-акварель пейзаж Архангельского имения Юсуповых под Москвой; она нарисовала его сама прошлой весной когда цвели яблони; небо было нежно-розовым а река блестела как зеркало; рисунок был немного кривым но очень искренним.

Они пожали друг другу руки по-английски крепко как мужчины а потом вдруг обнялись быстро неловко по-детски серьёзно как могут обниматься только дети которые знают что скоро расстанутся надолго...

В этот момент Елизавета поверила всем своим юным сердцем: их союз это не просто формальность династический брак договорённость взрослых за бокалом шампанского; нет это начало чего-то настоящего большого светлого чего-то что принадлежит только им двоим...

Когда карета с английским гостем скрылась за поворотом Мойки оставив после себя лишь стук копыт да облако пыли Елизавета долго стояла у ворот дворца одна никто не смел её потревожить даже строгая Дюбуа понимала что происходит что-то важное...

В её руке был медальон холодный теперь а в сердце горячая первая настоящая любовь к мечте о будущем доме в Англии где её будет ждать тот самый мальчик с серыми глазами доброй улыбкой который назвал её живой...

С тех пор она часто доставала медальон когда никто не видел открывала его дрожащими пальцами смотрела на гравировку гладила холодный металл кончиками пальцев словно верила что так она прикасается к нему самому...

А вечерами глядя на портрет Эдварда который снова повесили над секретером она больше не видела просто чужого мальчика красивого но далёкого как луна; нет теперь она видела своего будущего мужа своего защитника свою судьбу...

Иллюзии детства были хрупки прекрасны опасны они были подобны мыльным пузырям которые могут лопнуть от любого грубого прикосновения реальности но именно они давали Елизавете силы верить жить ждать впереди её ждёт не просто титул богатство положение в обществе нет впереди её ждёт настоящее счастье рядом с тем кто однажды сказал ей через весь океан языков культур традиций: «Ты живая»...

Глава 3

Зима тысяча девятьсот шестнадцатого года в Петербурге выдалась на редкость суровой. Лютые морозы сковали Неву, превратив её в бескрайнее белое поле, а ледяной ветер, казалось, проникал даже сквозь толстые стены Юсуповского дворца. Но холод, пробирающий до костей, был не единственным, что тревожило обитателей столицы. В воздухе витало нечто неуловимое, тревожное — предчувствие перемен, которые уже нельзя было остановить.

Для Елизаветы Юсуповой этот год стал временем болезненного взросления. Ей скоро исполнилось шестнадцать лет, и из мечтательной девочки она превращалась в задумчивую девушку, остро чувствующую фальшь и напряжение, скопившееся в обществе. Слухи о волнениях в столице доходили до дворца разными путями. Сначала это были лишь обрывки фраз, услышанные от прислуги или в разговорах старших. Горничные шептались о нехватке хлеба в лавках, о длинных очередях у булочных, о забастовках на заводах. Гувернантка мадемуазель Дюбуа, обычно невозмутимая и строгая хранительница манер, теперь часто хмурилась, читая свежие газеты.

— *Mon Dieu*, что творится в мире! — вздыхала она, откладывая «Новое время» так резко, словно бумага жгла ей пальцы. — Эти социалисты совсем потеряли страх.

Елизавета не до конца понимала смысл этих слов, но инстинктивно чувствовала: речь идёт о чём-то страшном. Она видела, как меняется атмосфера даже в их замкнутом мире. На балах всё меньше смеялись, всё чаще говорили о политике. Мужчины собирались в курительных комнатах, и оттуда доносились резкие, непривычные для ушей княжны речи — слова о «безвластии», «распутинской клике» и грядущем крахе.

В доме Юсуповых подготовка к Пасхе всегда была событием не менее важным, чем придворный бал. Великий пост, который Елизавета держала строго по настоянию матери, подходил к концу. В воздухе уже витал запах ванили и корицы — повар месть Леруа колдовал над куличами и пасхами. В Страстную пятницу дом погрузился в торжественную тишину. Елизавета вместе с матерью и сестрами стояла на долгой службе в домовой церкви Покрова, где горели лишь лампы да свечи, и воздух был густым от запаха ладана.

В Великую субботу с самого утра дом гудел как улей.

— Лиза! Ты должна проверить яйца! — кричала Зинаида из кухни. — А то няня Агафья опять перепутает луковую шелуху с чаем!

Вокруг стола сустились горничные. На нём стояли огромные корзины с яйцами, которые предстояло окрасить в разные цвета: от глубокого багрянца из шелухи красного лука до нежной охры, получающейся от отвара берёзовых листьев. Елизавета любила этот процесс — он казался ей магией, превращающей обычные предметы в символы новой жизни. Она лично расписывала несколько яиц для подарков, выводя тонкой кистью узоры из веточек вербы и первых весенних цветов.

— Княжна, не испачкайте платье! — ворчала мадемуазель Дюбуа, но в её голосе не было строгости.

К вечеру все приготовления были закончены. Стол в столовой ломился от яств: здесь были и пышные куличи с белоснежной глазурью, и творожная пасха с цукатами, и запечённый окорок, и множество закусок. Но главным украшением стола была огромная пасха — творожная пирамида, символизирующая Гроб Господень.

Следующий день был днем ее дебюта. Для Елизаветы это было не просто светское событие, а своего рода экзамен на право называться взрослой, переход из мира детских грёз в суро-

вую реальность династических браков и государственных интересов. И пусть формально 16 лет ей исполнится только завтра, но ее первый бал состоится накануне. В светлое воскресенье!

Подготовка заняла несколько недель. Портнихи трудились над платьем из белого атласа, расшитого мелким жемчугом и серебряной нитью — оно должно было стать её доспехом на этот вечер. Бриллиантовая диадема, доставшаяся от прабабушки Зинаиды Николаевны, казалась тяжёлой и непривычной, словно корона, возложенная слишком рано.

В Зимний дворец они прибыли затемно. Огромная Иорданская лестница, залитая светом тысяч свечей в массивных бронзовых люстрах, казалась бесконечной. Елизавета поднималась по ней, держа мать под руку так крепко, что костяшки её пальцев побелели. Сердце её билось так громко, что она боялась, как бы этот стук не услышали все гости — он заглушал даже звуки настраиваемого оркестра.

Залы дворца сияли ослепительно. В Гербовом зале толпился весь цвет петербургского общества: генералы в парадных мундирах с орденами, чей вес, казалось, пригибал их к земле; дипломаты в чёрных фраках с непроницаемыми лицами; дамы в платьях пастельных тонов — от нежно-розового до цвета слоновой кости — сверкающие бриллиантами так ярко, что глазам было больно. Воздух был густым и сладким от аромата французских духов «L'Heure Bleue» от Guerlain, созданных в 1912 году и стремительно заполнивших собой все, смешанного с запахом воска и живых лилий.

Императорская чета принимала гостей в Николаевском зале. Елизавета увидела царя Николая II — он выглядел усталым и постаревшим не по годам; морщины на его лице казались глубже обычного. Рядом с ним стояла императрица Александра Фёдоровна в строгом, но величественном платье из белой парчи, расшитом серебряной нитью. Тяжёлый шлейф тянулся за ней по паркету, а высокая причёска, украшенная скромной диадемой, делала её взгляд ещё более отстранённым, словно она находилась за тысячу миль отсюда.

Начались танцы. Полонез открыл бал — величественное шествие пар под звуки оркестра Императорской Капеллы. Это был танец-символ, танец-иерархия, где каждый знал своё место. Мужчины во фраках с ослепительно-белыми пластронами и орденами на лентах, дамы в платьях пастельных тонов — от цвета шампанского до нежной лазури. Шёлк, атлас и тафта струились при каждом шаге, а декольте, по моде того времени, были достаточно смелыми, но прикрытыми тончайшим тюлем или кружевом шантильи. Бриллианты в диадемах и на шеях дам вспыхивали при каждом повороте головы, соперничая с сиянием огромных люстр. Затем последовал вальс — король танцев. Елизавета танцевала с отцом — князем Николаем Борисовичем. Его парадный мундир со всеми регалиями был безупречен. Его рука была твёрдой и надёжной опорой в этом кружащемся водовороте лиц.

— Ты прекрасна сегодня, **ma chérie**, — шепнул он ей на ухо так тихо, что слова утонули в гуле голосов и шелесте атласа. В его голосе слышалась гордость, смешанная с горечью неизбежной разлуки с детством дочери. — Ты затмишь всех.

Но Елизавета не чувствовала радости. Она ловила на себе взгляды — оценивающие, завистливые, особенно от дочерей разорившихся князей, чьи платья были перелицованы по последней моде любопытные от молодых офицеров. Для всех этих людей она была не просто девушкой с живыми глазами и смущённой улыбкой; она была княжной Юсуповой — завидной невестой с огромным приданым и безупречной родословной.

Во время мазурки её пригласил молодой офицер, граф Н. Он был красив той хищной красотой, что так нравится женщинам: резкие черты лица, тёмные волосы и дерзкая улыбка.

— Говорят, вы помолвлены с англичанином? — спросил он между фигурами танца, его глаза дерзко блеснули из-под густых бровей.

— Это лишь договорённость семей, граф, — ответила Елизавета ровным голосом, хотя щёки её слегка порозовели от досады или смущения.

— Как жаль. Я бы отдал всё за один ваш взгляд, — его голос стал бархатным и низким, обволакивающим.

Елизавета лишь вежливо улыбнулась уголками губ. Она смотрела поверх его плеча на огромные окна, за которыми чернела зимняя ночь и где в свете фонарей кружилась метель. Ей казалось, что этот сверкающий мир — лишь хрупкая декорация из папье-маше и позолоты, готовая вот-вот рухнуть под напором той бури, что бушевала за стенами дворца.

Ближе к полуночи объявили котильон. Это был её триумф: к ней подходили кавалеры за ленточками и цветами для своих дам. Но даже этот момент всеобщего внимания не принёс ей ожидаемого восторга. В каждом комплименте ей чудилась фальшь, а за каждой улыбкой — холодный расчёт.

Возвращаясь домой в одной карете с матерью, Елизавета робко спросила:

— Это было... великолепно?

Княгиня Анна посмотрела на дочь долгим взглядом:

— Да, дорогая. Но помни: истинная ценность женщины не в блеске балов, а в силе её духа.

Вернувшись домой под утро, усталая настолько, что болела каждая мышца от танцев и от постоянного напряжения спины, но опустошённая морально ещё больше, Елизавета думала лишь о том, как бы добраться до постели.

Она едва успела сбросить атласные туфли на руки горничной и рухнуть на подушки.

Проснувшись она от того, что солнце било прямо в глаза через неплотно задёрнутые шторы. В доме стояла непривычная тишина после ночного бала. Часы показывали одиннадцать утра.

«Неужели я проспала службу?» — была первая мысль.

Но тут дверь тихо скрипнула и приоткрылась. В комнату неслышно вошла мать в утреннем платье из персикового шёлка.

— С днём рождения, моя девочка! Шестнадцать лет... Ты уже совсем взрослая.

Следом за ней вошли сестры Зинаида и Татьяна. Они несли огромный серебряный поднос.

— Сюрприз! Мы решили дать тебе выспаться!

На подносе стоял завтрак: чашка горячего её любимого горячего шоколада, свежие круасаны из французской кондитерской на Невском и маленькая вазочка с одной-единственной белой розой.

— Это ещё не всё! — Зинаида хитро улыбнулась и тут в комнату вошёл отец с огромной охапкой белых орхидей.

— С днём рождения! Ты была вчера прекрасна... Но сегодня ты выглядишь отдохнувшей и счастливой. Это главное. Он протянул Елизавете длинный бархатный футляр бордового цвета от знаменитого ювелирного дома Cartie.

Елизавета открыла его дрожащими пальцами. Внутри на чёрном атласе лежал изящный кулон из платины с крупным сапфиром глубокого василькового цвета в окружении мелких бриллиантов.

Елизавета ахнула. Камень был точно такого же оттенка, как глаза Эдварда на портрете.

— Какая красота... Спасибо!

Следующий подарок был от брата Николая-младшего: роскошное издание «Евгения Онегина» в кожаном переплёте с золотым тиснением.

— Чтобы ты не забывала русский язык среди своих англичан! — подмигнул он.

Но самый трогательный подарок ждал её на туалетном столике рядом с диадемой. Это была небольшая шкатулка из карельской берёзы от няни Агафьи. Внутри лежали те самые пасхальные яйца из луковой шелухи с её рисунками веточек вербы.

— Я сохранила для тебя самое красивое! — сказала няня со слезами на глазах. — Чтобы ты помнила дом...

Елизавета обняла старую няню крепко-крепко.

Елизавета посмотрела на подарки: холодный блеск сапфира рядом с тёплым деревом шкатулки Агафьи. Два мира столкнулись на её столике так же явно, как они сталкивались за окнами дворца: мир роскоши и мир любви; мир блеска балов и мир тихого семейного счастья; мир Англии Эдварда и мир России её дома.

Глава 4

ГЛАВА 4

К началу 1917 года Российская империя находилась в глубоком кризисе. Затянувшаяся Первая мировая война истощила экономику страны. Миллионы мужчин были мобилизованы на фронт, деревни пустели, сельское хозяйство приходило в упадок. Транспортная система не справлялась с перевозками: эшелоны с продовольствием застревали на путях, в то время как в крупных городах начинался голод.

Именно в эту зиму Елизавета начала сомневаться во всём, что казалось ей незыблемым с детства. Её вера в божественное право монархии, в незыблемость порядка поколебалась.

Однажды она отправилась с мадемуазель Дюбуа на Невский проспект за покупками к Рождеству. Картина, открывшаяся её глазам, потрясла княжну до глубины души. Вместо привычной нарядной толпы она увидела серые, измождённые лица людей. Очередь у булочной вилась на целый квартал. Люди стояли молча, кутаясь в старые платки и шинели.

Какой-то старик в драном тулупе перекрестился и сказал соседу:

— Хоть бы хлеба дали... Дети дома плачут.

Елизавета почувствовала острый укол стыда. В её мире скоро будут наряжать ёлку, дарить друг другу драгоценности и устраивать роскошные ужины. А здесь люди мечтают о куске хлеба.

Она украдкой взглянула на свою гувернантку. Лицо мадемуазель Дюбуа было каменным, губы сжаты в тонкую линию.

— Не смотрите на них так пристально, *ma chère*, — прошептала она по-французски. — Это неприлично.

Но Елизавета уже не могла «не смотреть». Эти лица преследовали её по ночам.

В противовес мрачной реальности за окном, дворец Юсуповых готовился к празднику с лихорадочным блеском. Это было не просто Рождество, а демонстрация несокрушимости их мира. В парадных залах установили огромную ель, вершина которой терялась где-то под расписным потолком. Её украшали не просто игрушками — здесь были и антикварные фарфоровые фигурки из Саксонии, и венецианские стеклянные шары, и гирлянды из настоящего жемчуга. Но главным украшением, по традиции, были сладости: марципановые ангелы, шоколадные звёзды и знаменитый юсуповский торт высотой почти в человеческий рост.

Подарки для прислуги были приготовлены заранее. В большом зале для слуг накрыли отдельный стол. княгиня Анна лично следила за тем, чтобы каждый — от старшего дворецкого до последней судомойки — получил свой свёрток. Для ближнего круга слуг это были личные подарки: отрезки добротной ткани, тёплые шали или серебряные часы. Для остальных — конверты с денежным вспоможением. Но главное было не в ценности подарка, а в самом факте внимания: хозяйка знала по именам всех, кто жил и работал в доме.

Для детей Юсуповых и их гостей готовили настоящий праздник. В большой гостиной устроили детский маскарад. Елизавета помнила эти торжества с детства: запах хвои, смешанный с ароматом горячего шоколада и свежей выпечки, смех, звон хрусталя. Но в этом году всё было иначе.

В Сочельник семья собралась у ёлки. Князь Николай, как всегда, был центром внимания. Он с улыбкой раздавал подарки: жене — редкую брошь с сапфирами, дочерям — жемчужные ожерелья и новые платья от лучших портных Парижа. Елизавете досталась изящная шкатулка из малахита.

— Это для твоего медальона, — сказал отец, целуя её в лоб.

Вечерами она доставала медальон Эдварда и смотрела на гравировку: «E.E. à E.Y., pour toujours». Теперь эти слова казались ей хрупкими и наивными. Что значит «навсегда», когда рушится мир?

Она начала вести дневник — тайно, пряча тетрадь под матрасом. В нём она записывала не только свои девичьи мечты об Эдварде, но и то, что видела на улицах:

«Сегодня видела женщину с мёртвым лицом. Она стояла в очереди три часа ради двух фунтов муки... Почему бог допускает такое? Почему мы живём так?»

Её сомнения касались и религии. На исповеди она спросила священника:

— Батюшка, если царь — помазанник Божий, почему Господь допускает такие страдания народа?

Священник вздохнул и ответил уклончиво:

— Это испытание нашей веры... За грехи наши...

Но этот ответ не удовлетворил Елизавету. Она чувствовала: грядёт нечто большее, чем просто наказание за грехи. Праздник во дворце был лишь яркой обёрткой для пустоты. Сияние ёлочных огней не могло разогнать тьму, сгущавшуюся за окнами их золотой клетки.

В Петрограде ситуация стала критической. В феврале 1917 года начались стихийные «хлебные бунты». Женщины-работницы, стоявшие часами в очередях за хлебом, стали главной движущей силой революции. К ним присоединялись рабочие Путиловского завода, объявившие забастовку. Полиция и казаки оказались бессильны против народного гнева.

В высших кругах общества царило смятение. Аристократия и промышленники видели неспособность царя Николая II управлять страной в условиях войны. Генералитет был недоволен постоянными перестановками в Ставке и влиянием Григория Распутина на императрицу Александру Фёдоровну. Даже великие князья начали открыто говорить о необходимости перемен.

В Юсуповском дворце эти события воспринимались как отдалённый гром — пока ещё не буря, но уже не просто шум ветра. Князь Николай Юсупов, отец Елизаветы, был человеком старой закалки, преданным монархии. Он занимал высокие посты при дворе и считал своим долгом служить государю до конца. Однако даже он не мог игнорировать реальность.

За вечерним чаем в малой гостиной разговоры всё чаще сворачивали на политику.

— Государь должен проявить твёрдость! — говорил отец, стуча ложечкой о блюдо. — Расстрелять зачинщиков, ввести военное положение!

— Николай, ты же понимаешь, что это не поможет? — тихо возражала мать, княгиня Анна. — Народ голодает. Стрелять в женщин и детей — это путь к гибели династии.

Елизавета сидела в углу с книгой, делая вид, что читает, но ловила каждое слово. Она видела, как бледнеет лицо матери, как сжимаются кулаки отца. Их споры больше не были похожи на обычные разногласия супругов — это был спор двух людей перед лицом надвигающейся катастрофы.

Однажды вечером Елизавета случайно услышала разговор отца с его старым другом, генералом Сухомлиновым.

— Армия разлагается, Николай. Солдаты не хотят воевать. Они слушают агитаторов и братаются с австрийцами на фронте! — голос генерала дрожал от негодования и страха.

— А что же государь? Неужели он не видит?

— Он... он верит своей супруге. А она верит этому мужику... Распутину.

Упоминание имени Распутина всегда вызывало в обществе смесь ужаса и отвращения. Для Елизаветы он был фигурой почти мифической — «святой старец», который имел безграничное влияние на императрицу и через неё — на всю страну. Слухи о его пьянстве и разврате доходили даже до ушей пятнадцатилетней княжны, заставляя её краснеть и отворачиваться.

К концу февраля напряжение достигло предела. В городе начались перестрелки между полицией и восставшими рабочими. По Мойке мимо дворца проносились грузовики с вооружёнными людьми — это были первые отряды Красной гвардии.

В один из таких вечеров дворец погрузился в тревожную тишину. Слуги заперли все двери на засовы. Князь Николай собрал всю семью в большой гостиной.

— В городе беспорядки, — сказал он глухо. — Всем оставаться дома. Никуда не выходить без моего разрешения.

Елизавета подошла к окну и отдернула тяжёлую портьеру. На улице было темно и пусто, только где-то вдали слышались редкие выстрелы и гул толпы.

В этот момент она поняла окончательно: детство закончилось. Иллюзии о вечном счастье под защитой дворцовых стен рухнули вместе со звуком первого выстрела за окном.

Она прижалась лбом к холодному стеклу и прошептала:

— Господи... Что же будет с нами?

Ответа не было. Только ветер выл над застывшей Невой, предвещая великие перемены для всей России — и для судьбы юной княжны Юсуповой.

В конце февраля 1917 года в залах Юсуповского дворца на Мойке царила атмосфера, не подвластная ни холоду, ни тревогам, что уже витали в воздухе столицы. В этот вечер дворец был залит светом тысяч свечей, отражавшихся в хрустальных люстрах и зеркалах, а воздух был напоен ароматом живых цветов, воска и тонких французских духов. Это был последний большой бал уходящей эпохи — праздник, который для многих стал прощанием с привычным миром.

Елизавета стояла перед высоким зеркалом в своей спальне, пока Агафья и горничные поправляли складки её бального платья из серебристого атласа. Ткань струилась по фигуре, словно лунный свет, а глубокое декольте и узкая талия подчёркивали юную грацию княжны. На шее поблёскивал фамильный жемчуг Юсуповых, а в волосах, собранных в высокую причёску, сияла маленькая бриллиантовая диадема.

— Ну вот, Лизонька, — с нежностью сказала Агафья, отступая на шаг и любясь своей воспитанницей. — Краше вас и на всём свете не сыщешь. Прямо ангел.

Елизавета улыбнулась, но глаза её оставались задумчивыми. Она знала: этот бал — не просто праздник. Это символ. Символ того мира, который вот-вот может рухнуть.

— Ах, Агафья, — вздохнула она, поправляя жемчуг. — Как же всё это напоминает мне те сказки, что я читала в детстве. Но теперь я понимаю: сказки кончились. Впереди — что-то совсем другое.

— Не говорите так, барышня, — покачала головой Агафья. — Вы ещё так молоды. У вас вся жизнь впереди.

Когда она спустилась в бальную залу, у неё перехватило дыхание. Зал был преображён до неузнаваемости. Стены украшали гирлянды из живых орхидей и белых роз, а под потолком парили искусно сделанные из шёлка облака. Оркестр — полный состав Императорской капеллы — уже настраивал инструменты. В воздухе стоял приглушённый гул голосов: смех дам в бриллиантах, уверенные баритоны мужчин во фраках, звон бокалов с шампанским.

Отец, князь Николай Юсупов, стоял у входа, принимая гостей. Он был великолепен в парадном мундире с орденами. Мать, княгиня Анна, в платье из тёмно-синего бархата с сапфирами, встречала дам с неизменной улыбкой, хотя Елизавета видела: пальцы матери чуть подрагивают.

— Ma chère, вы сегодня просто ослепительны! — воскликнула графиня Нарышкина, целуя воздух у щёк Елизаветы. — Эти сапфиры вам удивительно к лицу.

— Благодарю вас, графиня. Вы тоже чудесно выглядите.

Вокруг мелькали знакомые лица: князья Оболенские, барон Фитингоф, английские дипломаты с супругами. Все были одеты с небывалой роскошью — словно хотели доказать себе и друг другу: их мир вечен.

Елизавета медленно шла по залу, кивая знакомым. Её взгляд скользил по лицам гостей. Она видела ту же тревогу, что жила и в её сердце: натянутые улыбки, слишком громкий смех, быстрые взгляды на часы.

Вдруг музыка стихла. Мажордом ударил жезлом об пол:

— Их Императорские Высочества великий князь Дмитрий Павлович и великая княгиня Мария Павловна!

Все склонились в поклоне. Елизавета присела в глубоком реверансе. Когда она подняла глаза, то встретила взглядом с Дмитрием Павловичем — кузеном царя, блестящим офицером и любимцем света. Он улыбнулся ей и чуть заметно кивнул.

Бал начался с торжественного полонеза. Пары выстраивались в длинную колонну. Елизавета оказалась в паре с молодым офицером князем Голицыным.

— Вы позволите? — он галантно предложил ей руку.

— Конечно.

Они вступили в танец. Полонез был величественным и немного чопорным — танец королей и аристократов.

— Говорят, на заводах опять беспокойно, — тихо сказал Голицын, когда они проходили мимо колонн.

— Не говорите о таких вещах на балу! — Елизавета улыбнулась одними губами. — Сегодня праздник.

— Простите мою бестактность. Но вы же сами всё видите... В глазах людей больше нет прежнего блеска.

Музыка сменилась на вальс. Это был её любимый танец. Елизавета искала глазами партнёра и увидела отца, который уже шёл к ней через залу.

— Позвольте пригласить вас на вальс, моя дорогая дочь? — он поклонился с лёгкой улыбкой.

— С удовольствием, папа.

Они закружились по паркету. Отец вёл уверенно и легко.

— Ты сегодня похожа на свою бабушку Зинаиду в молодости, — сказал он тихо. — Такая же гордая осанка и свет в глазах.

— Спасибо... Папа... Вы не боитесь? Того, что происходит?

Князь Николай чуть нахмурился:

— Бояться? Нет. Мы — Юсуповы. Мы пережили Смуту, Наполеона... Переживём и это. Но я хочу, чтобы ты запомнила этот вечер. Запомнила блеск этого зала. Потому что однажды ты будешь рассказывать своим детям о том, как жили их предки.

Елизавета почувствовала комок в горле:

— Я запомню...

Вальс закончился. К ней тут же подошёл брат Николай-младший:

— Сестрица! Ты сегодня затмила всех! Позвольте пригласить вас на мазурку?

Они танцевали до упаду. В перерывах между танцами Елизавета выходила на балкон подышать свежим воздухом. С Мойки дул ледяной ветер.

На балконе она столкнулась с великой княгиней Марией Павловной.

— Ах, княжна! Вы здесь? Не замёрзнете?

— Немного... Но здесь так хорошо видно звёзды.

Великая княгиня посмотрела на тёмное небо:

— Знаете... Я чувствую то же самое предгрозовое затишье. Как будто мы все стоим на краю пропасти и делаем вид, что танцуем на твёрдой земле.

Елизавета молчала. Ей нечего было ответить.

Вдруг двери бальной залы распахнулись с грохотом. На пороге стоял запыхавшийся адъютант генерала Хабалова.

— Господа! Прошу внимания! В городе объявлено чрезвычайное положение! По улицам ходят патрули!

Музыка оборвалась на полуноте. Наступила мёртвая тишина. Все взгляды были устремлены на офицера.

Князь Николай Юсупов шагнул вперёд:

— Господа! Не будем портить праздник паникой! Это всего лишь меры предосторожности! Оркестр! Вальс!

Оркестр неуверенно заиграл снова. Но прежнего веселья уже не было. Танцы стали какими-то механическими.

Елизавета стояла у колонны и смотрела на гостей. Она видела их страх под маской бравады. Видела фальшивые улыбки и дрожащие руки.

К ней подошёл отец:

— Лиза... Я думаю... тебе стоит уехать из Петербурга на время. К тётке в Крым или к бабушке в Архангельское.

— А вы? Мама?

— Мы мужчины... Мы должны быть здесь. Но ты... ты должна жить дальше. Не дай этому хаосу сломать тебя.

Елизавета обняла отца:

— Я люблю вас...

Бал продолжался до глубокой ночи. Но это была уже агония праздника. Когда первые лучи рассвета окрасили шпиль Адмиралтейства в розовый цвет, гости начали разъезжаться по домам — молча, без обычных шуток и прощальных речей. Дома она сняла диадему и положила её на туалетный столик рядом с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.